

**Deutsches Historisches Institut
Moskau**

**«Russian in spirit
and European
by education»**

*Russian universities
in the educational area
of Central and Eastern Europe,
from the XVIIIth to the beginning
of the XXth century*

Editor

A. Iu. Andreev

Editor of series

A. V. Doronin

Moscow

ROSSPEN

2009

**Германский исторический институт
в Москве**

**«Быть русским по духу
и европейцем
по образованию»**

*Университеты Российской
империи в образовательном
пространстве Центральной
и Восточной Европы XVIII —
начала XX в.*

**Ответственный составитель
А. Ю. Андреев**

**Ответственный редактор серии
А. В. Доронин**

**Москва
РОССПЭН
2009**

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63.3(0)5
Б95

Б95

«Быть русским по духу и европейцем по образованию»:
Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в.: Сб. ст. / [отв. сост. А. Ю. Андреев; отв. ред. серии А. В. Доронин]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 335 с. — (Россия и Европа. Век за веком).

ISBN 978-5-8243-1167-9

Сборник продолжает серию публикаций научных трудов ГИИМ. В центре одного из ведущих направлений деятельности института — проблема трансфера и адаптации европейских идей и практик в Российской империи, исследованная в настоящем сборнике на материале университетской истории России. Актуальность теме сборника придают постоянные в последние годы обращения к западному опыту в ходе обсуждения реформы российской высшей школы. Они неизбежно порождают споры об «уникальности» пути отечественного университетского образования и возможности его сближения с европейской практикой. Сборник помогает понять, что же представлял собой «русский университет», каковы его исторические корни и место.

Книга адресована специалистам по российской и европейской истории нового времени.

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-8243-1167-9

- © Андреев А. Ю., отв. составитель, 2009
- © Доронин А. В., отв. редактор серии, 2009
- © Германский исторический институт в Москве, 2009
- © Российская политическая энциклопедия, 2009

От составителя

Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен на основе докладов международной конференции «Университетские концепции в Европе и России XVIII — начала XX в.», организованной Германским историческим институтом в Москве (ГИИМ) в сотрудничестве с Российским государственным историческим архивом (РГИА). Она прошла в Санкт-Петербурге в новом здании РГИА с 22 по 24 июня 2007 г. Конференция собрала специалистов по истории университетского образования в Центральной и Восточной Европе XVIII — начала XX в. из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Харькова, Петрозаводска, Майнца, Гёттингена, Галле и Будапешта.

Сборник продолжает серию публикаций научных трудов ГИИМ. В центре одного из ведущих направлений деятельности института — проблема трансфера и адаптации европейских идей и практик в Российской империи, которая в настоящем сборнике исследована на материале университетской истории России.

В 1832 г. в отчете о ревизии Императорского Московского университета С.С. Уваров как похвалу отметил у студентов желание «быть Русским по духу прежде, нежели стараться быть Европейцем по образованию». Содержащееся в этой цитате противопоставление своеобразия, особого «духа» России и европейского образования является одновременно и признанием необходимости их синтеза. В такой постановке эта проблема актуальна и сейчас, о чем напоминает постоянное в последние годы обращение к западному опыту в ходе обсуждения реформы российской высшей школы, порождающее споры об «уникальности» пути отечественного университетского образования и возможности его сближения с европейской практикой. В связи с этим чрезвычайно важным является понять, что же представлял собой «русский университет», каковы его исторические корни и место, которое он занимал в общей истории европейских университетов.

Надо сказать, что в различные исторические периоды историки по-разному пытались ответить на эти вопросы. Так, во второй половине XX в. в СССР господствовали идеи «автохтонности» отечественного университета, «самого прогрессивного в мире и кузнице идей материализма» (развитию которых, впрочем, изредка вредили работавшие в России западные ученые). Подобные концепции возникали и раньше: еще либеральные историки рубежа XIX–XX вв. представляли историю отечественных университетов как производную от господствующих в государственной и общественной жизни России смен периодов «прогресса» и «реакции» — и, соответственно, как полностью изолированную от европейского контекста.

В то же самое время в зарубежной и прежде всего немецкой историографии сложилось убеждение, что история университетов представляет собой **общеευропейский** процесс. Собственно, этот

Помимо перечисленных выше, существовали и другие обстоятельства, повлиявшие на изменения в идентичности профессоров.

Во-первых, это процессы интеграции университетов внутри России. В 1840-е гг. вырабатываются постоянно действующие практики перемещения ученых по стране — именно *перемещения*, а не миграции, поскольку в этом процессе активное участие принимала власть, а переход из университета в университет изменился процессуально и больше не происходил через увольнение (в материалах университетского архива этих лет начали встречаться указания на «перемещение» того или иного профессора в другой университет).

Во-вторых, нужно учитывать численное увеличение «ученого сословия» как такового. Оно становится реальной, хотя и незначительной по численности прослойкой в социальной структуре общества.

В-третьих, уже с конца 20-х гг. XIX в. начинается медленный процесс разрушения корпоративной идентичности профессоров. Движение шло от корпоративности в рамках университета до осознания своей общности людьми, объединенными одной специальностью. Начался этот процесс в среде преподавателей восточных языков. Одним из проявлений особенностей их идентичности стало введение в 1829 г. особого мундира для лектора персидского языка Казембека. Он состоял «из верхнего персидского кафтана синего цвета с шитьем Университета, а вместо шпаги сабли с темляком»¹.

Заглянув за хронологические рамки статьи, можно отметить, что в 1860–1870-е гг. этот процесс стал уже явным и распространился на многие специальности. Постепенно углублявшееся разделение корпорации на факультеты, развитие специализации вообще привело к изменениям в сознании людей. Наряду с принадлежностью к корпорации, важной становится научная специальность, что опять же хорошо видно на материалах эпитафий и некрологов. Появляются указания следующего типа: «Профессор Е. Ф. Аристов род. 1804 г. ум. 1875 г., 1-й председатель Казанского общества врачей»; «Профессор Казан. университета (юрист) Александр Васильевич Соколов род. 1826 г. авг. 20 ум. 1875 г. 4 декабря»². Позднее, к 1890 гг. главной и определяющей идентификацией ученого в глазах общества становится его специализация. Яркий пример — некролог профессора Н. Н. Булича 1895 г., начинающийся словами: «Телеграф принес известия, что 25-го мая скончался близ Казани известный историк русской литературы Николай Николаевич Булич»³.

Таким образом, во второй половине 30-х гг. XIX в. появляются первые признаки формирования в России особого сословия ученых. Его формирование не было завершено, но существует немало свидетельств того, что оно существовало на уровне идентичности. На одном из уровней сложной сословной идентичности профессора ощущали себя представителями ученого сословия Российской империи.

¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2906. Л. 44.

² ОРРК НБЛ. Ед. хр. 216. С. 626, 637.

³ Там же. С. 1570.

Е.А. Ростовцев

Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу¹

В центре внимания настоящей статьи — академическая (преподавательская) корпорация столичного университета и проблемы ее взаимоотношений с правительственными сферами и общественной средой в период с 1905 г., начала первой русской революции, до 1914 г., начала «второй отечественной войны». Изучение этой темы, в числе прочего, может способствовать лучшему пониманию роли интеллектуальной элиты в формировании гражданского общества в России начала XX в.

Что же представляла собой преподавательская корпорация университета в этот период? Распределение преподавательского состава и учебного персонала в университете отражено в таблице (см. с. 140–141).

Таким образом, мы видим, что несмотря на некоторые колебания преподавательский состав и учебный персонал в целом численно вырос (более чем на четверть). Особо обращает на себя внимание резкий рост (более чем на 70%) числа младших преподавателей (прежде всего приват-доцентов) — наиболее молодой по возрасту и активной в общественном отношении части корпорации. При этом профессорский состав, определенный штатным расписанием, оставался неизменным, что обеспечивало известную последовательность и устойчивость политики университетской корпорации, определяемой профессорским Советом.

Отношения столичной университетской корпорации (равно как и других университетов империи) с властью и обществом в начале XX в. были тесно связаны с проблемой «автономии» университета, многократно рассмотренной в литературе². Напомним о том, какой была *формальная* и *фактическая* автономия Петербургского

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Немецкие и русские университеты в Первой мировой войне. Сравнительные исследования отношений общества, науки и политики» (руководитель проф. Т. Маурер), поддержанного Фондом Фольксваген (Германия).

² См., например: Марков А.Р. Что значит быть студентом? М., 2005. С. 57–68; Иванов А.Е. Университетская политика самодержавия в конце XIX — начале XX в. // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 148–169; Воробьева Ю.С. Общественность и высшая школа в России в начале XX века. М., 1994. С. 10–49; Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. Автореф. дисс... на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1971; Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia. 1905–1914. Oxford, 1999 и др.

Учебный персонал С.-Петербургского (Петроградского) университета, 1905–1915 гг.¹
(данные приведены по учебным годам, по состоянию на 1 января)

Должности	Годы										
	1904/ 1905	1905/ 1906	1906/ 1907	1907/ 1908	1908/ 1909	1909/ 1910	1910/ 1911	1911/ 1912	1912/ 1913	1913/ 1914	1914/ 1915
Штатные ординарные профессора	34	33	33	34	34	32	32	32	34	33	32
Штатные экстраординарные профессора	15	13	11	9	11	13	13	10	8	10	8
Всего штатных профессоров	49	46	44	43	45	45	45	42	42	43	40
Сверхштатные ординарные профессора		—	3	3	3	3	3	3	4	5	4
Внешштатные и заштатные профессора	25	27	24	25	24	22	23	23	26	27	29
Профессора богословия	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Всего профессоров (членов Совета)	75	74	72	72	73	71	72	70	73	76	74
Лекторы	4	4	10	11	10	11	13	13	11	11	11
Нанятые преподаватели	6	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Приват-доценты	105	116	126	142	139	162	154	163	177	162	171
Всего младших преподавателей	115	127	136	153	149	173	167	176	188	173	182
Всего преподавателей	190	201	208	225	222	244	239	246	261	249	256

¹ Таблица составлена по данным «Отчетов университета» (Отчеты Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг. СПб. [Пг.], 1906–1915).

История Санкт-Петербургского университета

в виртуальном пространстве

<http://history.museums.spbu.ru/>

Должности	Годы										
	1904/ 1905	1905/ 1906	1906/ 1907	1907/ 1908	1908/ 1909	1909/ 1910	1910/ 1911	1911/ 1912	1912/ 1913	1913/ 1914	1914/ 1915
Лаборанты	23	23	24	25	28	31	31	31	31	30	30
Хранители кабинетов	31	32	34	35	37	42	42	44	40	37	39
Прочие*	15	14	14	8	7	6	6	4	4	4	5
Всего учебно-вспом. персонала / из них приват-доценты	69/22	68/19	72/20	68/14	70/14	79/16	79/16	79/16	75/18	71/20	74/18
Прочие**	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
<i>Всего учебного персонала (учитывая свадебные должности)</i>	<i>261 (239)</i>	<i>271 (252)</i>	<i>282 (260)</i>	<i>295 (281)</i>	<i>294 (280)</i>	<i>325 (309)</i>	<i>320 (304)</i>	<i>327 (311)</i>	<i>338 (320)</i>	<i>322 (302)</i>	<i>332 (314)</i>

* Ассистенты, прозекторы, препараторы.

** Астроном-наблюдатель и заведующий Мурманской биологической станцией.

История Санкт-Петербургского университета

в виртуальном пространстве

<http://history.museums.spbu.ru/>

столичного университета в период с 1905 по 1914 г. С *формально-юридической точки зрения* автономия столичного университета, как и других российских университетов, носила весьма ограниченный характер. Она основывалась на университетском Уставе 1884 г.¹, Временных правилах 1905 г.² и Сенатском указе министру народного просвещения 1908 г.³ Хотя внутри корпорации главным органом принятия решений являлся профессорский Совет, который обладал правом свободного выбора членов университетской корпорации (ректора, проректора, декана, профессора, приват-доцента). Министерство народного просвещения было вправе не утвердить выбор университета, назначить по своему усмотрению лицо на любую университетскую магистратуру. Любые изменения в составе университетских кафедр также утверждались министерством; им же формировались государственные экзаменационные комиссии, регламентировались правила поведения для студентов и вольнослушателей, утверждались учебные планы, количество и время экзаменов, определялся размер платы за обучение, объем и порядок финансирования университетов и т. п. Все сношения с министерством университетские корпорации были обязаны осуществлять через попечителя соответствующего учебного округа⁴.

Нельзя, однако, сказать, что подобная ситуация отвечала настроениям и идейным устремлениям университетской элиты. Университеты виделись подавляющему ее большинству скорее как общественные, нежели как государственные организации. Примером для организации русской университетской системы выступали западные университеты (причем, часто примером была не столько реальность, сколько представление о ней) — прежде всего немецкие, структура которых считалась образцом «автономии», необходимой для успешной учебной и научной деятельности высшего учебного заведения. Задача университета виделась не столько в решении утилитарных запросов государства и общества, сколько в «просвещении» граждан; вмешательство государства в университетскую жизнь представлялось совершенно недопустимым⁵. При этом *фактически* профессорские Советы (в том числе Совет столичного университе-

¹ Устав Императорских Российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. СПб., 1893. Т. IX. Царствование императора Александра III. 1884 год. Стб. 985–1026.

² Временные правила об управлении университетами // ПСЗ. Собр. III. Т. XXV. Отделение I. С. 658–659.

³ Указ Сената министру народного просвещения 28 ноября 1908 г. // Право. 1908. 7 декабря. Стб. 2738–2739.

⁴ Устав Императорских Российских университетов 1884 г.... Стб. 986.

⁵ См.: Сводная записка о материалах, поступивших в Министерство народного просвещения по вопросу о желательности изменения в устройстве Российских университетов. СПб., 1902; Труды высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. 1–5; Объяснительная записка к проекту общего устава императорских российских университетов. СПб., 1906; Труды совещания профессо-

та) имели определяющее значение для всего хода внутренней жизни университетов. Иными словами, автономия университетов была в значительной степени формальной. Любое вмешательство министерства (несмотря на его формально-юридическую обоснованность) в то, что профессура считала своей нераздельной компетенцией, встречало ее предельно жесткий отпор.

Следует помнить, что «академическая среда» (в которую, главным образом, входили преподаватели высших учебных заведений) в начале XX в. представляла собой в России весьма узкую социальную прослойку. Жизнь этой «касты избранных» имела сложное и многогранное устройство, далеко выходящее за формальные рамки академического взаимодействия, определенные существовавшими нормативными актами. Пропуском в корпорацию был успех на научном диспуте, при этом не случайно, что сами диспуты часто превращались в настоящие общественные явления, собирая зачастую полный актовъ зал. О диспутах по гуманитарным и социальным дисциплинам обычно делали подробные репортажи в газетах. Допуск в мир «избранных» означал не только обретение формальных привилегий, но и возможность посещения многочисленных неформальных профессорских салонов (историка и социолога М. М. Ковалевского, историка-медиевиста И. М. Гревса, антиковеда Э. Д. Гримма, литературоведа С. А. Адрианова и других членов корпорации). Яркие картины этих вечеров рисует мемуаристика. Разговоры на таких вечерах велись предельно откровенные, без всяких опасений. Например, И. В. Егоров, в советские годы видный общественный и политический деятель, ученый, а в 1900 — начале 1910-х гг. студент историко-филологического факультета, присутствовавший на одном из таких вечеров у приват-доцента С. А. Адрианова (в качестве его секретаря), вспоминал, как ректор Э. Д. Гримм «под влиянием винных паров стал на чем свет стоит поносить Николая II», заявив, что «ждет не дождется», когда императора «задушат Преображенские солдаты»¹.

Бывали случаи, когда такие «корпоративные обеды» были обязательны. Так было, например, в случае того же магистерского или докторского диспута. Диссертант по традиции должен был организовать обед, на который приглашались декан, оппоненты и близкие ему люди. Как правило, такой обед проводился в ресторане, но иногда и на квартире диспутанта. На обеде, согласно традиции, один из профессоров произносил речь, полную шуточных замеча-

ров, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И. И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906; Об уставе и штатах Императорских российских университетов. СПб., 1910 и др.

¹ Егоров И. В. От монархии к Октябрю. Л., 1980. С. 125.

ний в адрес диспутанта и его оппонентов¹. Из мест собраний профессоров, расположенных недалеко от университета, можно отметить ресторан Кинча на углу Большого проспекта и 1-й линии Васильевского острова. По воспоминаниям В. Вересаева, «туда часто заходили по вечерам профессора университета поужинать, выпить бутылку вина или пива», иногда там проходили и «застольные» беседы профессора со своими учениками². Другое место «отдыха» профессоров — ресторан «Донон» — располагался во дворе дома № 24 по набережной реки Мойки и был одним из любимых мест профессорских вечеринок, в том числе по случаю магистерских и докторских банкетов³.

Разумеется, своеобразная «кастовость» в организации общения и быта отнюдь не означала замкнутости творческой и общественной деятельности в рамках корпорации конкретных ученых. Напротив, абсолютное большинство профессоров и преподавателей университета совмещало работу в его стенах с той или иной формой внеуниверситетской деятельности. Одна из причин такого положения — необходимость поиска дополнительного заработка. Однако, на наш взгляд, была и другая причина, связанная с идеей служения обществу, которая, как известно, являлась базовой установкой всего русского интеллигентского мировоззрения. Стоит напомнить, что начало XX в. обоснованно рассматривается в литературе как эпоха становления «гражданского общества» в России; в этой связи поднимается и вопрос о роли элиты и интеллигенции в его формировании⁴.

Среди проектов, важных для академической жизни, прежде всего надо указать на деятельность ряда научных обществ, существовавших как при университете, так и вне его стен. Как правило, профессор и приват-доцент были членами десятка таких организаций. Остановимся вначале на наиболее крупных научных обществах, существовавших при университете (все они возникли в последней трети XIX в.). Здесь надо оговориться, что формально связь обществ с университетом (после ходатайства профессорского Совета о его

¹ Лосский Н.О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. СПб., 1994. С. 129.

² Вересаев В.В. Воспоминания // Вересаев В.В. Собрание сочинений. В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 202.

³ См., например: Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // *Времена и судьбы. Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха / Отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева.* СПб., 2006. С. 55.

⁴ См., например: Хильдермайер М. Общество и общественность на закате Царской империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // *Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Б.В. Ананьича.* СПб., 2003. С. 216–223; Лярский А.Б. Частная и общественная жизнь петербургской интеллигенции 1907–1914 гг.: Проблема самоидентификации. Автореф. дисс... на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 12–15.

учреждении) ограничивалась представлением отчетов о своей работе (что, кстати, делалось также далеко не всегда¹) и проведением заседаний в стенах университета; некоторые общества получали также от университета небольшие субсидии. На практике, однако, большинство обществ было тесно связано с работой университетских профессоров, являясь одновременно центрами притяжения научной общественности Петербурга и других городов России. В области естественных наук из университетских обществ наиболее известны Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, Русское физико-химическое общество, Русское антропологическое общество. Говоря о гуманитарных обществах, нужно прежде всего упомянуть Неофилологическое, Историческое, Юридическое и Философское общества². Укажем также на наиболее значимые внеуниверситетские общественные организации академического характера, в которых присутствие представителей университетской корпорации было основополагающим: Русское историческое общество, Общество любителей древней письменности и Русское археологическое общество³. Все перечисленные научные общества играли ключевую роль в развитии, а иногда и в институционализации соответствующих научных дисциплин.

Рядом с научными обществами можно указать на студенческие кружки, которые организовывались и возглавлялись преподавателями университета и были теми центрами, без которых была немислима культурная жизнь того времени. Так, в 1904–1905 гг. на основе кружка приват-доцента Б.В. Никольского сформировался «Кружок изящной словесности», объединивший стихотворцев Петербургского университета. Одной из центральных фигур кружка стал молодой студент Александр Блок, чьи стихи нашли среди членов кружка (С. Городецкий, Л. Семенов, А. Кондратьев и др.) своих первых критиков⁴. Показательно, что А.А. Блок вспоминал о том, что сам по себе университет (имея в виду университетское преподавание) не сыграл в его жизни «особенно важной роли». Правда, к этой оценке роли университета А.А. Блок поспешил добавить, что «высшее обра-

¹ Во всяком случае, отчеты целого ряда научных обществ в «Отчетах университета» либо не публиковались, либо публиковались нерегулярно (см.: Отчеты Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг.).

² См.: Уставы состоящих при Санкт-Петербургском университете обществ и положения об испытаниях на ученые степени // ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11184; Журналы [Протоколы] заседаний Совета Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг. СПб. [Пг.], 1906–1916.

³ См., например: Хартанович М.Ф. Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX в. Исторические очерки. СПб., 2006. С. 169–176.

⁴ Иезуитова Л.А., Скворцова Н.В. Александр Блок в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1982. Т. 4. С. 72–73.

вспомоществования нуждающимся переселенцам¹, Лиге защиты женщин², Обществе попечения о бедных и больных детях³, Обществе охраны материнства и грудных детей⁴, Обществе благотворения в память 19 февраля 1861 г. под девизом: «Чти в памяти, благодари в сердце Царя Освободителя»⁵ и т. п. Говоря о благотворительной деятельности представителей преподавательской корпорации университета, нельзя не отметить и то, что им принадлежит определенная роль в институционализации благотворительного движения как в Петербурге, так и России в целом.

Начало XX в. в литературе справедливо относят к «золотому веку российской благотворительности»⁶; уже к 1906 г. в столице было около 1300 обществ и учреждений, занимавшихся благотворительностью⁷, однако какая-либо зримая координация их деятельности практически отсутствовала. В целях преодоления этого положения в 1909 г. был создан «Всероссийский Союз учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению»⁸, среди основных целей которого стояло изучение вопросов общественного и частного призрения, «правильная постановка благотворительности в России», «содействие образованию благотворительных учреждений»⁹. Председателем правления Союза был избран приват-доцент юридического факультета университета С.К. Гогель (впоследствии профессор Психоневрологического института). По его словам, Союз «прилагал старания к тому, чтобы освещать жизнь русской благотворительности, ее не-

¹ Отчет... университета за 1906 г. ... С. 134.

² См., например: Состав Российского общества защиты женщин // Российское общество защиты женщин в 1912 г. (Год тринадцатый). СПб., 1913. С. 100–104.

³ Б-ов А.Д. Петербургская городская дума в биографиях ее представителей. 1904–1910. СПб., 1904. С. 76.

⁴ Ястребов Н.В. Обзор деятельности Общества охраны материнства и грудных детей в Царском Селе за первый период его существования с 29 апреля 1913 г. по 1 сентября 1914 г. // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 5. С. 333–337.

⁵ Мамаев Я.В. Исторический очерк возникновения и деятельности Общества благотворения в память 19 февраля 1861 года под девизом: «Чти в памяти, благодари в сердце Царя Освободителя» за 1901–1911 гг. СПб., 1912. С. 31.

⁶ См., например: Занозина В.Н., Адаменко Е.А. Благотворительность и милосердие. СПб., 2004. С. 18–203.

⁷ Благотворительность в России. СПб., 1906. Т. II. Список благотворительных учреждений. Ч. II. Санкт-Петербургская губерния. С. 1–161; Дополнительный список благотворительных учреждений. С. 35–38.

⁸ См.: Гогель С.К. Всероссийский Союз учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению // Труды первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 1–9.

⁹ Устав Всероссийского Союза учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению // Там же. С. 10.

удачи, ее полную неустроенность и, конечно, ее нужды»¹. По инициативе Союза в 1910 г. был созван Первый съезд русских деятелей по общественному и частному призрению². Среди основных докладчиков секции, связанной с организацией общественного призрения, были приват-доценты юридического факультета В.Ф. Матвеев, С.К. Гогель, И.М. Кулишер, М.А. Сиринов³, которые с разных сторон остановились на задачах организации общественного призрения на местах. Членами Совета Союза являлись профессор В.Ф. Дерюжинский (юридический факультет), много лет редактировавший журнал «Трудовая помощь», и профессор А.И. Введенский (историко-филологический факультет), представлявший в Союзе 17-е Петербургское городское попечительство о бедных⁴.

Из сказанного очевидно, что мы вряд ли можем представить себе академическую и общественную жизнь столицы без университета. Однако следует подчеркнуть, что участие университетских преподавателей почти во всех начинаниях, о которых шла речь выше, носило индивидуальный, а не коллективный характер. В связи с этим кратко остановимся на отношении университетской корпорации как общественного института к правительственной и местной власти и попробуем задаться вопросом о том, насколько университетское сообщество было готово сотрудничать с ними и реагировать на социальный заказ с их стороны.

Выше мы отмечали, что одной из важнейших задач корпорации была борьба за «автономию». Надо отметить, что при этом в отношениях власти и преподавательской корпорации всегда присутствовало еще одно активное действующее лицо — студенчество, позиция которого, впрочем, определялась не столько корпоративными интересами, сколько влиянием на него определенных политических сил. Как известно, студенчество столичного университета на протяжении рассматриваемого периода находилось в значительной степени под контролем радикальных (социалистических) политических сил — социал-демократов и эсеров⁵, которые явно доминировали в среде социально активных студентов, участвовавших в политических сходах, и, следовательно, имели ведущие позиции в формируемых

¹ Деятельность Всероссийского Союза учреждений обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Призрение и благотворительность в России. 1912. № 8–9–10. Стб. 893.

² См.: Труды Первого съезда русских деятелей...; Первый съезд русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 3–11.

³ Труды Первого съезда русских деятелей... Ч. 2.

⁴ См.: Деятельность Всероссийского Союза учреждений обществ и деятелей... Стб. 906–908.

⁵ См., например: Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971. С. 118–137.

там органах студенческого самоуправления¹. Преподавательской корпорации в этих условиях приходилось отстаивать свои интересы, лавируя между властью и оппозиционным студенчеством. Попытаемся схематично рассмотреть, как эта политика строилась, при этом, по нашему мнению, в рамках 1905–1914 гг. ее можно условно разделить на три этапа.

На *первом этапе* (январь — октябрь 1905 г.) Совет университета вполне осознанно принял серию мер, превративших университет, по словам генерал-губернатора Петербурга Д.Ф. Трепова, в арену «дерзкой и безнаказанной пропаганды революционных идей»². Примечательно, что в этот период решения Совета университета (или его своеобразного президиума — Советской комиссии) в ряде случаев прямо корреспондировались с решениями Совета студенческих старост, находившегося под контролем социалистических сил. Совет старост, в частности, организовывал проведение революционных манифестаций в стенах университета, которые к осени 1905 г., после их официального разрешения Советской комиссией, приняли общегородской характер³. Университетские профессора не только поощряли это студенческое движение, но и сами приняли активное участие в деятельности либеральной оппозиции (сначала Академического союза и Союза союзов), а затем (с октября 1905 г.) — кадетской партии⁴. Во многом благодаря их позиции в качестве неотъемлемой части либеральной программы демократических преобразований был выдвинут лозунг «автономии высшей школы»⁵. Позиция Совета столичного университета сыграла не последнюю роль в достижении университетами принципиальной

¹ Энгель Г.А. 1905 г. и студенческое движение в Петербурге // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. В 3 т. / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1982. Т. II. Петербургский-Ленинградский университет. 1895–1917. С. 79; Бондаревская Т.П. Большевистская организация университета в революции 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 67–80.

² Цит. по: Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. II. С. 190.

³ Павлицкая Н.И. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ, 1948. № 11. С. 146.

⁴ См., например: Wartenweiler D. Op. cit. P. 220–226; Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов. Материалы международного научного colloquium. СПб., 2003. С. 202–212. По подсчетам В.В. Шелохаева 22 (40,7%) членов первого ЦК кадетской партии представляли высшую школу (Шелохаев В.В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 310–320).

⁵ См.: Программа конституционно-демократической партии, выработанная Учредительным съездом партии 12–18 октября 1905 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. В 3 т. М., 1997–2000. Т. 1. 1905–1907. С. 40.

уступки со стороны Министерства народного просвещения и верховной власти — указа 27 августа 1905 г. о введении в действие новых правил управления университетами, предоставлявших профессорским советам фактическую автономию¹. Таким образом, первый выделенный нами этап политической стратегии университета условно можно было бы охарактеризовать словами «революция на службе корпорации».

Второй этап хронологически уместно определить с октября 1905 г. по июнь 1907 г. В октябре 1905 г. Министерство народного просвещения возглавлял граф И.И. Толстой, активный сторонник идеи университетской автономии, в лице которого корпорация нашла деятельного союзника²; первоначально политику И.И. Толстого продолжает и его преемник на посту министра, П.М. фон Кауфман³. Примечательно, что в этот период университетский Совет пытается использовать министерство и его директивы⁴ для борьбы со студенческим самоуправлением, которое вызывало беспокойство официальных университетских властей не столько радикальным характером тех политических сил, которые его контролировали, сколько притязаниями на контроль над важнейшими сферами жизни университета (прием студентов, распределение стипендий и т. п.). Для оценки второго этапа, таким образом, больше подходит формула «министерство на службе корпорации».

Вскоре после третьиюньского переворота 1907 г. министр народного просвещения П.М. фон Кауфман и подчиненные ему попечители учебных округов в рамках нового политического курса издают ряд «охранительных» циркуляров, связанных со стремлением оградить университеты от политически неблагонадежных лиц, женщин и евреев⁵, и начинается, с точки зрения нашей периодизации, самый длительный по времени *третий этап* политики профессуры по отношению к министерской власти (1907–1915 гг.; окончание министерства фон Кауфмана, министерства А.Н. Шварца и Л.А. Кассо). В этот период шло активное наступление министерства на университетскую «автономию» и настоящая «война» между ним

¹ Временные правила об управлении университетами...

² См.: Труды совещания профессоров, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого.; Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.

³ См.: Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 283; Толстой И.И. Указ. соч. С. 38.

⁴ См., например: Протокол Совещания по вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях [16 августа 1906 г.] // ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11457. Л. 118–120.

⁵ Министр народного просвещения — ректору СПб. университета. 1 августа 1907 г. // Протоколы заседаний Совета... университета за 1907 г. ... С. 194–195; Попечитель СПб. учебного округа — господам начальникам высших, средних и частных высших учебных заведений. 14 февраля 1907. № 2010 // Там же. С. 198–199.

и профессорским Советом — «война», в которой использовались все средства (юридические, полицейские, административные)¹. Особенно сложными для преподавательской корпорации выдались в этом смысле кризисы 1908, 1910 и 1911 гг.², в ходе которых корпорация вынуждена была «сдавать позиции» в борьбе министерством. Так, профессорскому Совету не удалось отстоять систему студенческого самоуправления, которое он пытался использовать в качестве инструмента для контроля над ситуацией в студенческой среде³, и его влияние в ней существенно ослабло. Действительно, преподавательская корпорация подвергалась в этот период давлению как со стороны революционно-настроенного студенчества⁴, так и со стороны власти, и пыталась лавировать между ними. На этом этапе очевидно незавидное положение корпорации «между министерством и революцией».

Таким образом, очевидно, что основное содержание отношений с правительством и Министерством народного просвещения для университета заключалось в отстаивании профессорской элитой идеи «автономии», которая понималась как фактическая независимость от власти. Академическая корпорация подчеркивала своей политикой общественный, а не государственный характер своей службы и не была готова действовать как коллективный исполнитель государственного заказа. В этих условиях, естественно, практически не было места для формирования позитивной программы сотрудничества государственной власти и преподавательской корпорации.

В то же время для понимания характера и степени институциональной вовлеченности академической корпорации университета в общественную жизнь, ее способности реагировать на социальный заказ кажется важным кратко рассмотреть ее отношения не только с центральными, но и региональными властями, которые в той или иной степени выражали местные общественные интересы и были в этом смысле социально ближе «университетскому миру». По крайней

¹ См., например: Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907–1911) // Вестник ЛГУ. 1972. № 8. Ист., язык, лит. Вып. 2. С. 42–50.

² См.: Савельева В.Г., Яковлев В.П. 1) Студенческая забастовка 1908 г. ... С. 168–174; 2) Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1983. № 2. Ист., язык, лит. Вып. 1. С. 14–19.

³ О подготовке «Правил 11 июня», на основании которых было запрещено общестуденческое представительство, и о значении их в университетской жизни, см.: Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты... С. 42–43; Савельева В.Г. Положение Совета министров 11 июня 1907 г. // ВИД. Л., 1974. Т. 6. С. 283–294.

⁴ Круглова З.С. Студенческая забастовка 1911 г. и ее политическое значение // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. История СССР. М., 1964. Вып. 8. Т. СXXXV. С. 36.

мере, городские власти, в отличие от центральных, не представлялись профессорскому сообществу в роли постоянной угрозы университетской автономии — тем более, что несколько видных членов университетской корпорации в разное время являлись и гласными Городской думы. Наибольшую известность из них в «революционной» Думе имели профессора И.Я. Фоиницкий, Н.И. Кареев, приват-доцент Л.В. Ходский¹, которые примыкали к левому крылу Думы. В Думе 1904–1910 гг. особое влияние имели приват-доценты Юридического факультета Л.К. Дымша, в 1907 г. избранный заместителем председателя Думы², и И.М. Тютрюмов, который был одним из наиболее видных чиновных деятелей в составе корпорации. Будучи обер-прокурором 2-го департамента Сената, он в то же время занимал различные посты в городском общественном управлении (гласный Городской думы, председатель постоянной Юридической комиссии при Городской думе, заместитель председателя Думы)³. После 1909 г. среди членов группы «Обновление» (близкой к кадетам) следует указать на университетских профессоров А.А. Иностранцева, А.А. Пиленко, М.М. Ковалевского. Среди лидеров «обновленцев» также были приват-доценты университета — один из основателей Партии демократических реформ, заместитель председателя Думы в 1913–1916 гг. В.Д. Кузьмин-Караваев и профессор Высших женских курсов В.М. Нечаев⁴. Одним из основных «агитаторов-обновленцев», которому эта «партия» в определенной степени обязана успехом на выборах 1912 г., стал профессор международного права университета А.А. Пиленко⁵. В 1912 г. в число гласных был избран и бывший ректор университета профессор физики И.И. Боргман, который также примкнул к «обновленцам», равно как и другой «новичок» в Городской думе, его коллега по физико-математическому факультету академик А.В. Васильев⁶. Таким образом, представители университетской корпорации в Городской думе без единого исключения присоединились к «обновленцам» и в этом смысле выражали в местном общественном управлении установки политического либерализма, свойственные университетскому сообществу. Естественно, университетские представители под-

¹ Б-ов А.Д. Указ. соч. С. 95–96, 231–232, 234.

² Личный состав гласных городской Думы // Отчет Санкт-Петербургского городского общественного управления за 1907 г. СПб., 1908. Ч. II. С. 6; Городская Дума // Справочная книжка по С.-Петербургскому городскому общественному управлению на 1908 г. СПб., 1908. С. 3.

³ Личный состав гласных городской Думы... С. 17.

⁴ Петроградская городская Дума в 1913–1915 гг. (Деятельность группы Обновления). Пг., 1915. С. 245–252.

⁵ См.: Пиленко А.А. Стародумцы и обновленцы. СПб., 1912.

⁶ Петроградская городская Дума в 1913–1915 гг. ... С. 246.

держали избрание в 1913 г. городским головой гр. И. И. Толстого (кандидата «обновленцев»), который имел теплые отношения с многими университетскими деятелями еще с периода своего министерства 1905–1906 гг.

Однако несмотря на политическую близость, высокий уровень личных контактов и связей между деятелями городского общественного управления и университета, то есть несмотря на все эти внешние условия для взаимной корпоративной поддержки, мы вынуждены констатировать, что полноценного сотрудничества между городским общественным управлением и университетом ни в политическом, ни в общественно-профессиональном смысле не состоялось. Изучение комплекса печатных и архивных материалов системы петербургского городского управления и университета (стенограммы заседаний Городской думы, городские постановления, протоколы заседаний Совета и факультетов, делопроизводственная документация) показывает *спорадический* характер контактов между университетом и муниципальными властями в период 1905–1914 гг. Петроградские муниципальные власти намного больше внимания уделяли таким учебным заведениям столицы, как Психоневрологический институт, Высшие женские (Бестужевские) курсы, Петроградский Женский медицинский институт, Военно-медицинская академия, Политехнический институт¹. Городская дума также выделила денежное пособие упомянутому Петербургскому обществу народных университетов². Как видим, все эти институты занимались подготовкой медицинских, учительских и технических кадров, имевших практическое значение для города. Университет же изначально позиционировал себя как корпорацию, призванную решать глобальные задачи науки и просвещения.

С точки зрения наглядного отсутствия самого механизма «взаимодействия» между университетом и городом, весьма показательна история с попыткой организации в университете «практического» медицинского факультета. В течение четырех лет, с 1913 г. по 1917 г., университет, по существу, игнорировал предложения Городской думы о его создании. Примечательно, что в Министерстве народного просвещения, возглавлявшемся «ретроградом» Л.А. Кассо, этот проект принципиальных возражений не вызвал (и также получил положительное заключение Государственной думы, согласной открыть его финансирование), однако университет по представлению физико-математического факультета его все равно отверг (ис-

¹ См.: Известия С.-Петербургской городской думы. 1913–1917; Стенограммы заседаний 1913–1915, 1917 // ЦГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 10315–10318, 10311.

² Wartenweiler D. Op. cit. P. 179–180.

тория вопроса об организации медицинского факультета изложена в протоколах заседания комиссии по реформе высшей школы)¹. Особенно резко против создания медицинского факультета выступил академик В.А. Стеклов. Интересно его утверждение (в споре с профессорами, более лояльными к идее создания факультета) о том, что невозможно в качестве причины организации медицинского факультета рассматривать стремление университета установить связи с максимально широкими общественными кругами и слоями общества или, как замечает сам В.А. Стеклов, действовать «в угоду общественному мнению» и «подлаживаться под мнение общественных организаций»². Эпизод с попыткой создания медицинского факультета вполне отражает не только качество отношений университета с муниципальными и центральными властями, но также способность и желание университетской корпорации реагировать на социальный заказ. Идеал университета — как своеобразной башни из «слоновой кости», — который независим от политических и социальных бурь, ярко представил, например, последний дореволюционный ректор Э.Д. Гримм. По его словам, целью университета является «осуществлять свое высокое научное назначение, не отдавая дани ни задаче образования разных категорий служилых людей, ни каким бы то ни было не научным целям»³.

Итак. Петербургский университет начала XX в. создавал цепь общественных структур, без которых было немыслимо существование городского культурного сообщества, а университетские преподаватели играли важную роль в ряде внеуниверситетских общественных организаций. Идея общественного служения, характерная для российской интеллигенции, подвигала деятелей университетской корпорации к участию в различных социальных и образовательных проектах, да и сам университет в эти годы, приоткрыв свои двери для широкой публики, являлся крупным просветительским центром города. Иными словами, академическая корпорация университета способствовала созданию множества общественных образований, которые вполне допустимо рассматривать в контексте процесса становления гражданского общества в России.

¹ См.: Журнал 28 заседания Комиссии по реформе высшей школы. 23 августа 1917 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 277. Л. 52 об.—53. См. также: Материалы об организации медицинского факультета при Петроградском университете // ГА РФ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

² Мнение академика В. Стеклова о нежелательности учреждения медицинского факультета при Петроградском университете // ЦГИА. Ф. 14. Оп. 27. Д. 74. Л. 7—8 об.

³ Гримм Э.Д. Организация университетского преподавания по проекту нового устава // Русская мысль. 1916. № 4. С. 111.

В то же время в центре внимания преподавательской корпорации в революционную эпоху часто оказывались не академические, а политические проблемы, что было связано с ее стремлением посредством политических инструментов реализовать свои представления об университете как «храме науки», независимом от утилитарных интересов государства. Основным способом решения этой задачи было в глазах профессуры достижение максимальной университетской автономии. Не удивительно, что государственная власть выступала по большей части прямым оппонентом корпорации, а в ряду ее социальных партнеров объективно не находилось места тем общественным институтам, от которых университет юридически и финансово никак не зависел, в том числе и местному общественному управлению. Таким образом, идея автономии университетов от государства на практике иногда приводила и к игнорированию университетом социального заказа как такового.

Таким образом, складывается очевидное, на первый взгляд, противоречие между ролью университета как крупнейшего в столице культурного, просветительского и общественного центра, и его ролью как общественной корпорации, замкнутой в собственных интересах. Надо, впрочем, помнить, что противоречие это внешнее — именно ситуация фактической свободы и академической автономии способствовала культурной притягательности университета для петербургской интеллигенции. Другое дело, что эта ситуация имела и обратную сторону — с изменением политического режима после революции 1917 г. неизбежному разгрому должен был подвергнуться и подвергся Петроградский университет. В 1920-е гг. произошла ликвидация не только «университетской автономии», но и почти всех общественных структур, созданных при университете в начале XX в.